

Акционсартовые значения

Идея провести исследование форм со значениями способов действия родилась у меня еще в студенческие годы с подачи моего учителя профессора кафедры тюркской филологии В.Г. Гузева. В отечественной тюркологии к этой проблематике обращались такие известные ученые, как А.А. Юлдашев (Ахнеф Ахметович), Ф.А. Ганиев (Фуат Ашрафович) (в татарском языке), Д.М. Насилов (в узбекском языке) и др.

В чувашском языкознании эти формы тоже не обошли вниманием. По традиции их называют «сложными глаголами» – хутлă глаголсем. Наиболее полные, подробные исследования в этой области осуществлены Н.И. Ашмариним, И.П. Павловым, Н.А. Андреевым. Из современных ученых этот вопрос изучала А.М. Иванова в работе, посвященной проблемам морфосинтаксиса в чувашском языке.

Монография изначально была задумана, во-первых, как работа, обобщающая основные достижения в области тюркской аспектологии на теоретическом уровне, и во-вторых, представляющая наиболее подробную, насколько это возможно, классификацию соответствующих форм и значений в чувашском языке. Думаю, что в результате обе цели были достигнуты. Конечно, сама по себе тема не простая. Ее сложность связана, прежде всего, с неопределенным статусом этих форм. Большинство авторов, специалистов по чувашскому языку не признают «морфологичность» этих форм, считая их либо синтаксическими конструкциями, либо сложными словами. Мы же рассматриваем эти сочетания в качестве аналитических форм, то есть под углом зрения морфологии, опираясь на их семантику и функции. На наш взгляд, очевидно, что сочетания состоят из двух неравноценных в функционально-семантическом плане компонентов. Первый из них, представленный в форме деепричастия с аффиксом *-ca/-ce*, является знаменательным, а второй – вспомогательным.

И тут возникает сложность в отграничении этих форм от собственно синтаксических конструкций, состоящих из двух равноценных компонентов. Как показывает практика – это не всегда просто сделать. В чем же причина этого? Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к истории развития морфологических показателей в тюркских языках. Как известно, все аффиксы в современных тюркских языках исторически произошли от полнозначных слов. Но процесс перехода от полнозначных слов к аффиксам происходил на достаточно длительном временном отрезке, так как должны были осуществиться такие этапы как: лексическая десемантизация слова, приобретение им более абстрактного грамматического значения, его фонетическое изменение. *Таким образом, аналитическая форма представляет собой промежуточный этап перехода сочетаний полнозначных слов в аффиксы.* Но так как приобретение здесь вспомогательным компонентом грамматического значения уже неоспоримо, мы предпочитаем относить такие формы к морфологическому уровню языка, а не к синтаксическим конструкциям. Кстати, подобный подход применяется и некоторыми другими современными тюркологами. Так В.Г. Гузев включает эти формы в категорию аспектуальности глагола турецкого языка наряду с такими категориями как залог, время, наклонение и др.

Сложность выделения тех или иных форм в чувашском языке заключается в том, что большинство из них находится на разных этапах своего перехода от синтаксических конструкций к морфологическим формам по причине того, что язык по сути своей является постоянно развивающейся и изменяющейся субстанцией. Именно поэтому в своей работе я ввожу понятие «степень десемантизации», которая указывает на различный период развития той или иной формы, того или иного сочетания. Естественно, что там, где степень десемантизации вспомогательного глагола наименьшая, форма еще не успела далеко оторваться от синтаксической конструкции, но находится на пути к этому. В связи с этим, мы наблюдаем много случаев, когда определить то, является ли конкретное сочетание аналитической

формой или синтаксической конструкцией, мы можем только из контекста. Вот пример, приведенный И.П. Павловым: *сырса кай*– 1) написать очень много, 2) записать и уйти; *пӑхса ил*– 1) взглянуть, 2) брать что-нибудь, посматривая [Павлов 1958:150]. Заметим, что влияние контекста на выражение грамматическими формами тех или иных значений до сих пор в полной мере не изучено не только тюркских языках, но и в общем языкознании в целом.

Сложность определения статуса аналитических форм с акционсартовыми значениями повлияло на то, что эти формы в грамматических исследованиях, как правило, занимают место на периферии. О них пишут либо вскользь, как бы между делом, либо очень кратко, ограничиваясь перечислением вспомогательных глаголов. Не пишут о них и в работах, посвященных синтаксису. Максимум на, что они могут рассчитывать – это небольшой параграф в разделе «Словообразование», что учитывая их широкую распространенность в речи, является просто несправедливым. Настало время включить эти формы в грамматику на законных основаниях и на месте, подобающем их статусу.

Большую дискуссию в свое время вызвал термин «акционсарт», использованный в монографии и, в частности, в ее названии. Действительно, это слово, которое свое происхождение ведет из немецкого языка, является не совсем обычным для слуха нашего читателя. По сути своей оно является синонимом более привычного для нас термина «способ действия». После долгих раздумий я все же принял решение сохранить первоначальный вариант названия книги. Поясню почему. На мой взгляд, это термин точнее выражает суть самого грамматического явления, и он является более компактным. К тому же, приступая к работе над книгой, я рассчитывал, что она вызовет интерес в первую очередь в среде специалистов, у которых этот термин уже давно используется и однозначно понимается. Что касается других терминов, встречающихся в этой монографии, то все они разбираются, и их использование подробно объясняется.

Как я уже отметил, монография первоначально рассматривалась как исследование больше теоретического плана, нежели практического. Однако жизнь показала, что она вызвала живой интерес и у неспециалистов, у лиц, которые изучают чувашский язык с практической точки зрения. Например, для приобретения некоторого количества экземпляров книги ко мне обращались из представительства чувашской диаспоры в г. Москве. Ее, как оказалось, используют на курсах по изучению чувашского языка. При этом мне как автору было лестно слышать благодарность от людей, и такие слова как «наконец-то по этой теме вышла подробная работа». Это говорит о существовании в обществе запроса на продолжение исследования уже в более практическом ключе. Имеются отзывы на книгу и от специалистов. Так, например, в периодическом журнале Академии наук Венгрии «Исследования по языкознанию» в номере 112 за 2016 год вышла положительная рецензия на мою монографию известного венгерского ученого Клары Адягаши. С разрешения автора рецензии в настоящий момент мы переводим ее на русский язык, чтобы напечатать в следующем номере «Гуманитарного вестника» ЧГИГН. Кроме этого, положительный отзыв на работу дал турецкий тюрколог Эйюп Баджанлы, занимающийся именно этой проблематикой. Вот вкратце его слова из нашей личной переписки: «Я посмотрел вашу книгу и хочу вас поздравить. Она очень интересная, ее содержание совпадает с фактами других тюркских языков». Отмечу также, что имеются планы проведения сопоставительного исследования с формами, передающими аналогичные значения в русском языке.

В заключение я хочу сказать, что конечно работа не лишена недостатков. Некоторые спорные моменты я намеренно сохранил с тем, чтобы вызвать обсуждение в научном сообществе. Я открыт для критики и дискуссий. Считаю, что это будет только на пользу делу развития чувашской языковедческой науки. Спасибо за внимание! Тав та пуç итленёшён!